

УДК 812 82 (1 – 87)

А.В. Тарарак**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ
ВОСПРИЯТИЯ НАПОЛЕОНА В РОССИИ**

Попытки осмыслить характер отношения к Наполеону в России предпринимались уже в середине XIX в., во всяком случае, Н.А. Полевой в незавершенном исследовании «История Наполеона» (1846) [12] писал, что вся эта эпоха европейской истории может быть обозначена в «словах величины безмерной»: «Революция, Наполеон» [13, с. 5]. Во введении к своему труду он формулирует представления о личности Наполеона, какой она виделась спустя тридцать лет после победы над ним, в сущности, описывая основные составляющие того нового мифа, в котором функцию мифологемы выполняло его культурное имя. Он – победитель революции, того «позорища», которое охватило страны Европы: явился «среди кровавых битв, политических волнений и гражданского смятения» как «человек, дотоле безвестный», в котором Европа увидела «примирителя». В то же время он мечтал о мировом господстве, попытался стать вровень с монархиями, и его завоевательные планы завершились крушением: «человек судеб», «исполин» пал. Его жизнь, по словам Н.А. Полевого, свидетельствует о том, что Наполеон был удостоен «дивного жребия»: «... бедный сирота в детстве, счастливый солдат, великий полководец в юности, гордый самовластитель, мудрый законодатель в летах опыта, и изгнанник Европы. <...> Повесть об нем при жизни его перешла в предание. На гробе его смолкли все страсти, забыта ненависть – осталось одно: память гения, и все совершилось в течение двадцати пяти лет. И свидетели неслыханных дотоле решений судьбы, мы едва верим ныне тому, что совершалось в глазах наших!» [13, с. 7 – 8]. Наполеон уподобляется автором «Истории» эпическому герою, о котором нужно говорить «в ста томах», описывая каждое событие его необыкновенной жизни, и «очертить исполинский образ его», чтобы «разгадать посланника

А.В. Тарарак, 2014

провидения, государя, полковника и человека» [13, с. 8]. Н.А. Полевой, таким образом, мыслил о Наполеоне в контексте мифического сознания, говоря о нем одновременно как об избраннике и как о слепом орудии прихотливой судьбы.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать общие тенденции в освещении проблемы восприятия Наполеона в России. Этот обзор дает возможность видеть, что исследователи, в сущности, не ставили вопрос о функционировании наполеоновского мифа, а стремились осмыслить отдельные факты, явления, которые объясняли теми или иными тенденциями в социокультурной ситуации. Между тем, в русской литературе шел, по нашему мнению, сложный и противоречивый процесс притяжения и отталкивания от этого мифа, оказывавшего разное влияние на художников разных поколений.

«История» Н.А. Полевого открывает большую историческую литературу о Наполеоне, создававшуюся в России на протяжении почти двух столетий. Свой оригинальный и весомый вклад в ее развитие внесли С.М. Соловьев, В.Г. Сироткин, Н.А. Троицкий, а также Е.В. Тарле, А.З. Манфред, Д.М. Туган-Барановский и другие видные историки, предметом интереса которых была наполеоновская эпоха, военная стратегия, экономика, бонапартизм и пр. Разные стороны противостояния между Россией и Францией освещены в работах, посвященных пропаганде и печати [11; 14; 15;], роли церкви [17; 18] в войне 1812 г. и мн. др.

Проблема восприятия личности Наполеона русской культурой, а также особенностей отражения его образа в литературе была сформулирована еще в начале 1890-х гг. Речь идет, в первую очередь, об объемной журнальной публикации Н.Ф. Дубровина «Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе» [3], в которой, впрочем, акцент сделан именно на реакции публики от времени консульства Наполеона до 1807 г. Автор констатировал повальное увлечение в России всем французским, а также всеобщую европейскую «расположенность» к восходящей звезде, поясняя этот феномен положением дел в самой Франции. «Общественное воспитание было заброшено, – писал Н.Ф. Дубровин, – религия уничтожена,

идеалы забыты; продажа чинов, доносы и шпионство, <...> Утомленный народ желал отдыха, порядка и восстановления спокойствия, что могло доставить только войско, благоразумно направляемое на мирные цели. Сочувствие народа естественно обращалось к нему и его вождям, и если один из них обладал выдающимися способностями, то в его руках была и судьба Франции. Таким вождем в то время был, бесспорно, Наполеон Бонапарт» [5, с. 196]. По словам автора публикации, многое в возвышении Бонапарта было сделано его окружением, подчеркивавшим невероятную храбрость, хладнокровие, мудрость и, вместе с тем, быстроту принятия решений и обширные знания в государственном устройстве. «Словом, первый консул Франции соединял в себе все лучшие качества, какие только могут быть предоставлены человеку на земле» [5, с. 197]. Преувеличение его достоинств убедило не только французское, но и русское общество, с одобрением воспринявшее подавление остатков революции.

Впрочем, Н.Ф. Дубровин уже с учетом исторической дистанции оценивает свойства личности Наполеона скептически, называя его «скромной овечкой», которая превратилась со временем в «хищного волка», преследовавшего «свои честолюбивые виды и стремясь к престолу», «гениальным актером», портреты и бюсты которого наполнили приемные государственных и частных резиденций, а изображения помещались на ювелирных украшениях, приобретаемых красавицами по всей Европе, носившими их на груди. Платки с портретом Наполеона продавались наряду с сочинениями, прославлявшими его, и во французских, и в русских лавках. Усиливались дипломатические контакты, Россия и Франция стремительно сближались, Александр I и Наполеон испытывали большой взаимный интерес. Н.Ф. Дубровин подробно описывает все уступки русского императора, акцентирует внимание на коварности французского завоевателя, углубляясь в многочисленные перипетии личных и государственных отношений. По его словам, преобладающую реакцию общества на эти события лучше других выразил в своих записках помещик Зиновьев, писавший, что «галлы» «ниспровергли трон, казнили доброго короля, разогнали полезных граждан, потеряли миллионы людей на войнах,

причинили внутри и вне Франции миллионы зла, восстали против Бога, покрыли имя свое стыдом перед лицом света и потомства для мнимой вольности-равенства! Ныне сами уничтожили свою клятву, ненависть к королевскому правлению, дабы возвести корсиканца на могущественный трон» [цит. по: 6, с. 206]. Распространение своих завоеваний далеко за пределы Франции помогло Бонапарту отвлечь сограждан от понимания того, что он чужестранец и самозванец.

Н.Ф. Дубровин полагал, что показателем общественных настроений может быть реакция публики на постановку трагедии Озерова «Эдип в Афинах» в напряженный момент взаимоотношений между Наполеоном и Александром. «До сих пор русская трагедия, – писал он, – к слезам не приучала, в этом отношении Эдип составлял исключение. Прекрасные по тому времени стихи и мысли, полнота чувства и содержание, близкое к современному положению, сделали имя Озерова известным всей России. Театр был полон, не осталось ни одного пустого места, и восторг публики были единодушный» [6, с. 215]. После постановки столица «ожилла: охотники до новостей сновали из дому в дом, собирали их в гостиных, ловили на улицах и сообщали друг другу разные слухи. Князь Одоевский завел своих городских и загородных корреспондентов, на которых тратил большие суммы» [6, с. 214]. Поскольку полнота информирования не удовлетворяла его, он снял специальную квартиру у почтамта, чтобы быть ближе к месту распространения новостей и формирования слухов. «...У графа Остермана были утренние съезды; митрополит приехал из Лавры... И.И. Дмитриев, И.М. Карамзин, князь Оболенские, Ю.А. Нелединский и Обрезков собирались и проводили вечера в кн. Андрея Ивановича Вяземского; Всевожские, Мятлев и Давыдовы – у графа А.Г. Орлова» [6, с. 215]. В салонах и кружках царило преимущественно патриотическое настроение, которое передавалось и было выражено известными и анонимными поэтами. И.И. Дмитриев восклицал, что «росс весь мир дрожать заставит», а А.Ф. Мерзляков слагал «Стихи на победу русских при Кремсе», в «Московском зрителе» публиковались стихи неизвестного автора в честь Багратиона, а Г.Р. Державин рифмовал его фамилию с

Наполеоном, акцентируя пророческие смыслы, скрытые в их звучании: «О, как велик На-поле-он / И быстр, и хитр, и тверд во брани... / Но дрогнул, как простер лишь длани, / К нему с штыком Бог-рати-он» [цит. по: 6, с. 222]. Почти каждый поворот дипломатических или военных отношений между Россией и Францией был отражен в стихах. Так, В. Вельяминов-Зернов в ответ на присуждение Наполеону звания «великого», писал: «Тому ль *великим* называться, / Кто кровью любит упиваться, / Похитив власть из рук царей, – / Кому стон, слезы – утешенье, / Кому закон – страстям служенье: / Тот и в величестве злодей» [6, с. 218]. Н.Ф. Дубровин отмечал, что возвышение Наполеона приписывалось провиденью, и его поражения воспринимались знаком судьбы, потому в стихах малоизвестных поэтов одинаково важным было обличение лицемера и лгуна, и прославление русского императора. Эти настроения проникли в документальную литературу, зафиксированы в многочисленных записках, дневниках, воспоминаниях, содействовали они и росту популярности творчества В.А. Озерова, трагедии которого «Фингал» и «Дмитрий Донской» звучали необычайно актуально. Однако Тильзитский мир положил начало краткому примирению между двумя странами, что изменило тональность периодической печати и настроения русских писателей.

Изложение истории восприятия Наполеона Н.Ф. Дубровин довел до 1807 г., сосредоточившись, как уже говорилось, в большей мере не на литературе, а на реакциях русского общества. Автор, подписавшийся Н.Д., посвятил свою публикацию в «Русской старине» за 1903 г. «борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати» [11, с. 437 – 443]. Публикация представляет собой перепечатку фрагментов документов, составленных кн. А. Чарторийским, и писем, направленных им к П.Г. Дивову о роли периодической печати в пропаганде русской точки зрения. Эти материалы дают возможность видеть, как при Александре I формировались представления, говоря современным языком, об информационной войне и роли правительства в ее проведении.

Новое обращение к этой теме произошло лишь в 1970 г. в статье Н.И. Казакова «Наполеон глазами его русских современников» [8],

в которой, в отличие от публикации Н.Ф. Дубровина, охвачен более широкий исторический период. Н.И. Казаков справедливо говорил о том, что «мнения русских современников о Наполеоне отражали общественно-политические настроения эпохи и являлись ярким показателем идейных позиций различных кругов русского общества – от тогдашних либералов до оголтелых реакционеров. Эти мнения нередко были противоречивы и менялись в зависимости от развития международных и внутренних событий» [9, с. 31 – 32]. Одним из тех, кто стремился осмыслить отношение своих современников к этой фигуре во всей ее противоречивости, был С.Н. Глинка, подчеркивавший тесную связь первоначального отношения к Наполеону с восхищением античными героями: «Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом» [2, с. 194]. Во многом слова С.Н. Глинки подтверждают многочисленные переводные брошюры, о которых мы будем говорить ниже. Они носили апологетический характер и содержали сведения о жизни героя, в которых так нуждались его русские поклонники. Вместе с тем, изменение взглядов С.Н. Глинки на Наполеона в связи с войной 1812 г., уже привлекавшее к себе внимание исследователей, подчеркивает преобладавшее настроение образованной части общества, преодолевшей бонапартизм.

Н.И. Казаков полагал, что в первые годы правления Александра и он сам, и современники молодого императора видели в Наполеоне «олицетворение духа нового времени» [9, с. 35], связывая его личную славу с достоинствами народа, которым он правит. Однако эти настроения быстро сменились сначала обеспокоенностью, затем неприязненностью, а потом и полным отрицанием в связи с провозглашением Наполеоном себя императором: его подозревали в лицемерии. Но все же отношение не было линейным и однозначным: среди русских было немало его поклонников, в том числе, и среди военных, которые «все-таки отдавали должное его военному искусству, видя в нем создателя новой тактики массовых армий» [9, с. 39]. Автор публикации, как и Н.Ф. Дубровин, анализирует изменения общественного настроения в зависимости от политики, проводимой

Александром, и справедливо отмечает, что в правительстве не так боялись связи Наполеона с революцией, сколько опасались его завоевательных планов, которые могли грозить России. Тональность публикаций резко сменилась после вторжения французских войск.

Н.И. Казаков приводит выдержку из работы А.В. Предтеченского, в которой охарактеризована особенность наименования Наполеона в русской художественной и публицистической литературе: «...не было кажется ни одной поэмы, ни одной оды, ни одного прозаического произведения, в которых был бы забыт Наполеон, и уж конечно в них его вспоминали недобрым словом. Такие эпитеты, как “Аттила девятого надсять века”, “хищник”, “изверг”, “чудовище”, “гнуснейший лицемер и обманщик”, “мстительный и кровожадный”, “Кащей бессмертный”, “Змей Горыныч”, “наивеличайший убийца”, “всемирный бич”, “ужас вочеловеченный”, “яд во плоти”, “людоед” и множество других в таком же роде обильно уснащали произведения поэтов и прозаиков, откликнувшихся на события 1812 г. – 1814 г.» [10, с. 45]. Эти наблюдения подтверждаются и нашим анализом конкретных текстов. Н.И. Казаков отмечает, что страницы газет и журналов наполнились не только информативными материалами, но и карикатурой, а также «просто вздорными известиями, в том числе, легендами о его умопомешательстве, попытках самоубийства, о проводимых им спекуляциях казенным имуществом и новые доказательства “свирепой души сего тирана и палача” человечества, приказавшего умертвить во время египетского похода 3800 пленных турок и 580 больных французов. В изобилии приводились “изречения” Наполеона, которые должны были свидетельствовать о моральном облике “сего варвара и палача”...» [10, с. 46]. Периодическая печать стала мощным средством пропаганды и существенно влияла на общественные настроения.

Наиболее интересная и важная для нас часть публикации Н.И. Казакова связана с литературной интерпретацией феномена Наполеона. Исследователь приводит любопытные факты, свидетельствующие о том, что гоголевский анекдот о Наполеоне в «Мертвых душах» был создан не на ровном месте и упоминает рассказ кн. Вяземского о портрете Наполеона на почтовой станции, чтобы его можно

было узнать, появился он в уездном городе [10, с. 45], а также словесный портрет завоевателя в «записках русского чиновника Ф. Корбеллицкого, попавшего в 1812 г. в плен к французам и ставшего проводником и переводчиком при главной квартире Наполеона в Москве. Корбеллицкому приходилось не раз сопровождать императора и его свиту в поездках по городу и, следовательно, близко наблюдать Наполеона» [10, с. 46]. В русских художественных произведениях, как известно, встречается мотив службы у Наполеона русского подданного. Автор публикации также упоминает записки Н.И. Тургенева, оказавшегося в Париже и воспринимавшего русскую миссию как освобождение Европы от тирана.

Победа над Наполеоном стала источником этих и других тем русской литературы, уже непосредственно не связанных с войной, скажем, скоротечности любого восхождения человека на вершины славы, смысла человеческой жизни, участи кумира и пр. Так, Н.И. Казаков упоминает о записи Н.И. Лорера, наблюдавшего в 1814 г. свержение с Вандомской колонны статуи некогда почитавшегося Бонапарта: «Вот вам и слава и надежда на благодарность толпы! Его статую тащили, так же тащили и его самого союзные комиссары в изгнание на о. Эльбу... Не пойдя он на нашу матушку Россию, великий памятник его стоял бы еще долго; но ему тесно было в Европе – испытай же теперь тесноту на острове Эльбе». Сходные настроения он выразил и в своем сочувственном стихотворении «Наполеон» [10, с. 47 – 48]. Приводит автор публикации слова К.Н. Батюшкова, также видевшего эту сцену: «Суета сует! Суета, мой друг! Из рук его выпали и меч и победа. И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь, и уверенная и неблагодарная, часто неблагодарная! накинула веревку на голову *Napolio Imp. Aug.*, и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому: задавите короля кишками попов, тот самый неистовый кричит теперь: “Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов! Низложите тирана! что нам в победах? Торговлю, торговлю!”» [10, с. 48], а также отклик В.А. Жуковского о бегстве Наполеона, который в глазах поэта тоже был тираном.

Н.И. Казаков полагает, что на протяжении нескольких десятилетий после войны недавние исторические события были предметом осмысления в России не столько для их изучения, сколько для ответов на собственно русские вопросы об ответственности за свои деяния, о роли сильной личности, о взаимоотношении героя и толпы. Любые публикации о наполеоновской эпохе оказались чрезвычайно важными и актуальными для русской читающей публики, горячо воспринимавшей попытки реабилитации Наполеона или, напротив, снижения его образа. В качестве показательного примера Н.И. Казаков приводит слова А.П. Ермолова о том, что «надобно быть дерзку и подлу, как французу, чтобы Наполеона представлять человеком чрезвычайным. Слишком много было свидетелей, слишком много было участников горестных происшествий, за которые проклятия преследовать будут Наполеона до гроба. Вот славные дела, которые перевозит сочинитель» [цит. по: 10, с. 49], напоминает о большом интересе Н.М. Карамзина ко всей исторической литературе, освещавшей недавние события, и о том, что А.В. Никитенко воспринимал Наполеона, Байрона и Шеллинга людьми новой эпохи.

Отношение к Наполеону в конце 1820-х гг. Н.И. Казаков видит сквозь призму двух тенденций: развенчивающей Наполеона и придающей его образу «героико-романтическую окраску»: «Некоторые русские историки и литераторы, – пишет он, – стали даже рассматривать эпоху Наполеона как период общечеловеческого прогресса, а его гибель – как рубеж, с которого можно датировать наступление европейской реакции. <...> Живая, непосредственная реакция на трагические явления эпохи уступила место их позитивному изучению и отвлеченному толкованию» [10, с. 50 – 51]. Подводя итоги своему анализу, Н.И. Казаков справедливо указывает, что в течение пятнадцатилетнего правления Наполеона он воспринимался в России преимущественно как враг. Этот вывод, на наш взгляд, исключает возможность говорить о наполеоновском мифе, сложившемся в России, несмотря на то, что многие находились под его «магическим влиянием»: «...он сумел создать культ своей личности, возведенный в догмат гражданского катехизиса». «С одной стороны, на сознание

русских людей властно давила та информация, которую они получали о Наполеоне из самых различных источников, а с другой стороны, они находились во власти субъективных восприятий тех грандиозных событий, в центре которых стояла одиозная фигура повелителя Франции и Европы» [10, с. 55]. Их представления во многом совпадали с мнениями, складывавшимися и в других европейских странах, во многом благодаря тому, что в России обильно публиковались переводы иностранных сочинений, а также воспоминания тех французов, которые находились в оппозиции Наполеону или были его сторонниками.

История осмысления особенностей восприятия Наполеона в России в XIX в., в сущности, ограничивается публикациями, которые мы назвали выше. Однако исследователи часто обращались к этой теме, рассматривая ее в контексте творчества того или иного писателя, проблематики того или иного произведения, развития отдельных областей гуманитарного знания. В самом общем виде вся эта научная литература может быть представлена в виде нескольких тематических групп: это, прежде всего, публикации, посвященные поэзии (поэзия 1812 г., К.Н. Батюшков, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, В.В. Маяковский, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам и др.), творчеству русских классиков (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.В. Булгарин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский) и писателей Серебряного века. Отдельную и внушительную группу составляют исследования о роли периодической печати в борьбе с Наполеоном (В.А. Теплова, В.В. Гиппиус, В.Г. Сиротин, А. Каганова, Д.М. Туган-Барановский, М.М. Наринский, А.А. Орлов). Многие из этих работ стали классическими, некоторые созданы в последние десятилетия, однако очевидно, что новая социокультурная ситуация побуждает ученых вновь возвратиться к проблеме интерпретации феномена Наполеона в русской литературе [напр., 1; 19]. Однако ни в исследованиях прежних лет, ни сегодня не поставлен вопрос о том, что в русской литературе наполеоновского мифа не существовало, а литература оригинально и глубоко осмысляла миф чужой, существенно влиявший на большинство литератур Европы. Эта тема все еще требует специального внимания.

Литература

1. Андрущенко Е.А. Наполеоновская тема в творчестве Д.С. Мережковского: спор с Толстым / Е.А. Андрущенко // 1812 год в истории России и русской литературы: материалы Всероссийской научной конференции (Смоленск, 15 – 17 ноября 2010) [Сост. и ред. Л.В. Павлова]. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 6 – 22.
2. Глинка С.Н. Записки / С.Н. Глинка. – СПб.; 1895.– 406 с.
3. Дубровин Н.Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и русской литературе / Н.Ф. Дубровин // Русский вестник.– 1895.
4. Т. 236. – № 2. – С. 195-228;
5. Т. 237. – № 4. – С. 214-248;
6. Т. 238. – № 6. – С. 3-34;
7. Т. 239.– № 7. – С. 73-114.
8. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников / Н.И. Казаков // Новая и новейшая история. – 1970.
9. № 3. – С. 31-47;
10. № 4 – С. 42-55.
11. Н.Д. Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати (сообщил Н.Д.) / Н.Д. // Русская старина. – 1903. – Март. – С. 437-438.
12. Полевой Н.А. История Наполеона / Н.А. Полевой. Соч. Николая Полевого. Т. 1-5. – Санкт-Петербург : М. Ольхин и Ф. Нагель, 1844-1848.
13. Т. 1. [Кн. 1-4]. – 1844. – 442 с.
14. Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года / А.Г. Тартаковский. – М.: Мысль, 1967. – 222 с.
15. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. : От рукописи к книге / А.Г. Тартаковский. [АН СССР. Ин-т истории СССР]. – М. : Наука, 1991. – 288 с.
16. Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. – М.: Кучково поле, 2007. – 416 с.
17. Николаева Ю.В. Образ Наполеона в русской книге первого десятилетия XIX в. как отражение русско-французских отношений / Ю.В. Николаева // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа: мат. междунар. научной конференции, посвященной памяти проф. В.Г. Ревуненкова, СПб., октябрь 2005. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 92-96.
18. Чимаров С.Ю. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года / С.Ю. Чимаров. – СПб. : СПбГИЭУ, 2004. – 325, [1] с.

19. Wesling, Molly W. Napoleon in Russian Cultural Mythology (New York, Peter Lang, 2001. – 220 p.

Анотація

О.В. Тарарак. До історії вивчення специфіки сприйняття Наполеона у Росії.

Мета статті полягає у тому, щоб проаналізувати загальні тенденції вивчення особливостей сприйняття у Росії феномену Наполеона. Матеріалом для публікації є рідкісні публікації з цієї проблеми, здійснені з кінця XIX століття, до тих, що передують ювілейній літературі до двохсотліття відкриття 1812 р., коли дещо змінилися акценти і виникли нові теми, що потребують спеціального вивчення. Висновки стосуються того, що дослідники, як правило, осмислюють окремі факти, явища, які хоч і мають велике значення, але не створюють узагальненої картини сприйняття Наполеона. До того ж дослідники переважно звертаються до явищ у культурній площині, які відбивалися у російській літературі нелінійно. Аспект, який лише виокремлюється у сучасних публікаціях, видається більш продуктивним і плідним – розглядати вплив феномену Наполеона у міфологічній площині і у взаємозв'язку із особливостями розвитку самої літератури.

Ключові слова: наполеонівський міф, соціокультурна ситуація, епічний герой, міфологізація.

Аннотация

А.В. Тарарак. К истории изучения специфики восприятия Наполеона в России.

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать общие тенденции изучения особенностей восприятия в России феномена Наполеона. Материалом для публикации являются редкие статьи по этой проблеме, осуществленные с конца XIX в., до тех, которые предшествуют юбилейной литературе к двухсотлетию войны 1812 г., когда несколько изменились акценты и возникли новые темы, требующие специального изучения. Выводы касаются того, что исследователи, как правило, осмысливают отдельные факты, явления, которые хоть и имеют большое значение, но не создают обобщенной картины восприятия Наполеона. к тому же исследователи преимущественно обращаются к явлениям в культурной плоскости, которые отражались в русской литературе нелінійно. Аспект, который только выделяется в современных публикациях, представляется более продуктивным и плодотворным – рассматривать влияние феномена Наполеона в мифологической плоскости и во взаимосвязи с особенностями развития самой литературы.

Ключевые слова: наполеоновский миф, социокультурная ситуация, эпический герой, мифологизация.

Summary

O.V. Tararak. To the History of Studying of Specific Perception of Napoleon in Russia.

The aim of this article is to analyze common trends in the study of peculiarities of Napoleonic phenomenon perception in Russia. The materials for publication were taken from rare articles on this issue published in the period from the end of XIX-th century till the 200-th anniversary of the War of 1812, when the emphasis was slightly changed and new topics requiring special study appeared. The conclusions concern the facts that the researchers usually take separate facts, events into consideration. Though these facts and events are of very high importance, they do not give a general picture of Napoleon perception. In addition, researchers mainly turn to the events in cultural sphere, which were reflected in Russian literature in nonlinear manner. The aspect, which has just started to be accentuated in modern publications seems to be more productive and fruitful, i.e. to consider Napoleon phenomenon influence in mythological sphere and in interrelation with the peculiarities of the development of the literature itself.

Key words: Napoleonic myth, social and cultural situation, epic hero, mythologization.

УДК 821.161.2-1 Ткач

С.І. Телешман

ЖАНРОВА ПРИРОДА ПОЕМ М. ТКАЧА «РУКИ НА ШТУРВАЛІ» ТА «СТАДІОН»

Мистецька епоха ХХ ст. минула під знаком синтезу. Взаємовпливи відчутні на різних рівнях, починаючи від видів мистецтва і завершуючи жанрами в межах окремого виду. «Від фрески до арабески» – так лаконічно й вичерпно окреслив жанрові пошуки письменників С. Крижанівський [6, с. 107]. Поема, що виникла як вид епосу, а утвердилася як ліро-епічний вид, щонайкраще відповідала «синтезуючій» тенденції епохи: в ній запрограмована дифузія родів. Прагнучи до максимального розширення можливостей жанру, М. Ткач переводить процес дифузії ще далі, в міжмистецьке русло. Його кінопоема «Руки на штурвалі» (збірка «Повернення» 1974 р.) і поема-канто «Стадіон» («Небо твоїх очей», 1982) демонструють взаємодію літератури й кіно та літератури й музики відповідно. З'ясування особливостей вияву синтезу в зазначених творах – наше пріоритетне завдання. Водночас метою статті є всебічний аналіз поем, що досі не ставали предметом спеціального дослідження. Найвагомніше наукове слово про них сказане в літературно-критичному нарисі В. Дячкова «Михайло Ткач» (1984), де, однак, зустрічаються застарілі, ідеологічно зумовлені трактування й оцінки.

Беручись за синтезування різних мистецтв, треба мати чуття кожного з них, інакше результат виглядатиме силованим. Кінопоема «Руки на штурвалі» не викликає й підозри у штучності. Поява цього гібридного жанру в доробку М. Ткача була мовби продиктована життям: у долі автора література й кіномагограф переплітаються. З початку 60-х він працював на Київській кіностудії ім. О. Довженка, відтак – у Державному агентстві з питань кіно й на Київській студії хронікально-документальних фільмів. 1973 р. за сценарій фільму «Радянська Україна» М. Ткач був удостоєний Шевченківської премії.